18+

АННА КАФА

ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ

Роман для тех, кто хочет себя найти

Анна Кафа

Оживший портрет. Роман для тех, кто хочет себя найти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71535910
ISBN 9785006525412

Аннотация

Молодая женщина по имени Агата вдруг понимает, что ее жизнь – это длительное предательство себя. В состоянии душевного ненастья, она порывает отношения с мужчиной, который так и не смог ее оценить. Однажды Агата заходит в антикварную лавку, где покупает портрет. С этого момента и начинается история подлинной близости…

Содержание

ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Оживший портрет
Роман для тех, кто хочет себя найти

Анна Кафа

© Анна Кафа, 2025

ISBN 978-5-0065-2541-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОЖИВШИЙ ПОРТРЕТ

экзистенциальный роман-поиск
«Это Я, не бойтесь» (Мф. 14:27)

Это был один из тех запутанных дней, когда все рассыпается: теряются мысли, расстраиваются планы… Именно в этот день я купила в антикварной лавке необычную картину, которая открыла мне себя. Но… В любой истории важна предыстория. Итак…

Я проснулась раньше Солнца, которое лениво вытягивалось своими длинными лучами из весеннего дрема. Я наблюдала, как свет растекается по одеялу, под которым, объятый все еще глубоким сном лежал… Даже не знаю, как его назвать. Любовник? Возлюбленный? Милый друг? Человек, к которому тянется моя душа, с которым мы часто спим вместе, а живем врозь.

Я смотрела на свет, на Него и было чувство, будто в свете этого невинного солнца проступила вся моя грязь. Я проснулась с ощущением, что все «не так», что это не моя постель, не мой человек, и я сама себе – не своя. Я вслушивалась в его глубокое дыхание… Мне всегда нравилось прислушиваться к дыханию мужчины, в нем есть что-то завораживающее, мужчина дышит, как скала: громко, всей своей каменной грудью, всей мощью… Казалось, что ему было хорошо,

он спал. Я еле коснулась губами его уха. Он не знал, что я ухожу… Не почувствовал, он спал.

Я ухожу, а он остается. У него будет свой день, своя история, а у меня – своя… Я ухожу. Я натягиваю на ногу чулок, который тоже знает, что я ухожу, и что «так не должно быть». Что должен быть один дом, она постель, одна история. Это рассказало мне Солнце. Я проснулась. А он спит.

Мне хотелось и есть, и бежать одновременно. Я выбрала бежать. Черное платье уже было на мне, я быстро причесалась и выпорхнула на волю. Я работаю рекламным агентом, в этот день, как обычно, у меня было запланировано несколько встреч. Но мне не хотелось никого видеть, никому улыбаться сквозь слезы, поэтому я достала сотовый телефон и, сделав несколько звонков, все отменила. Я поняла, что настал день встречи с собой. В моем распоряжении были почти сутки, так как вечером нужно было забрать у бабушки моего пятилетнего сыночка – Марка.

Солнце совершенно не скупилось на свет, оно золотило автобусы, окна, крыши домов. Я решила гулять, пока не надоест, пока из головы не выветрится пыль, а из сердца – печаль и тревога. Улочка, по которой я шла, была усыпана аккуратными деревянными домиками, коваными скамейками и клумбами. В середине каждой скамейки находился своеобразный узор в виде крыльев. Я как раз проходила мимо одной из них, той, где повстречалась с Ним. Это было три года назад, так же весной. Я читала «Постороннего» Камю,

когда ко мне подошел высокий мужчина и вежливо попросил подержать его лабрадора, пока он зайдет в аптеку. «Мне очень нужно попасть в аптеку, а моя собака не любит одиночества», – его просьба была так мила и необычна… Я никогда не боялась собак, а больших всегда любила, поэтому с радостью согласилась. Он вернулся, протянул руку и просто произнес: «Глеб». Я также просто ему ответила: «Агата».

Так все началось. К моменту нашей встречи у меня был один неудавшийся брак и один прекрасный ребенок. У него было двое детей, которые жили с его бывшей женой в другом городе. Мы оба потерпели неудачу, как супруги, у нас были общие раны, и, как оказалось позднее – общие интересы. Я влюбилось в его глаза – серые, твердые, глубоководные. В них хотелось нырять, смотреть, жить… Так началась наша история. Глеб был бизнесменом, его голова постоянно была чем-то занята. Ему приходилось постоянно думать, решать, отвечать, действовать. Ему нравились движение, достижения, риск, вызов. Он постоянно играл с реальностью, будто проверяя себя на прочность и, к счастью, всегда одерживал верх. Но к моменту, когда мы познакомились, его азарт к жизни сменился на какую-то апатию. Он уже знал, как быть сильным, как достигать, как управлять, как держаться на плаву. У него появилось много квартир, домов, машин, много людей, которым не было до него дела… После развода он вдруг почувствовал, что стал королем в пустом королевстве. Он один. В погоне за тщеславием и силой он

не заметил, как забыл про свою жену и детей. А также свою способность радоваться, сопереживать, чувствовать, проявлять слабость, способность разбивать сердце о других. Он стал замкнут, недоверчив и презрителен. Его все больше тянуло к чему-то духовному, он стал много читать, его дом наполнился мировой литературой, философией и религиозными текстами. Именно это нас и сблизило. А конкретнее – Камю…

Вначале он немного удивился моему имени:

– Агата? – произнес он

– Да… Но не Кристи…

– А я подумал про камень агат. Он имеет какое-то отношение к имени?

– Можно предположить, что у меня каменная душа – я засмеялась.

– В таком случае, можно поинтересоваться, что читает ваша душа?

– «Посторонний»

– Камю?

– Да, – удивилась я, – а вы читали?

– Да.

– И… Как? Понравилось? – я немного сбилась, – простите редко встретишь мужчину, читающего Камю.

– Как и девушку с каменной душой.

– Пока читал, чувствовал себя посторонним самому себе и другим.

– ??? – я удивленно раскрыла рот.

– А вам?

– Он мрачен. А я люблю свет в конце тоннеля.

– Мрачен? Скорее реалистичен, он не хочет создавать иллюзии и надеяться на свет, поэтому пытается учиться жить во тьме. Без надежды. Помните, как Сизиф… Он сознательно принимает абсурд. И не жалуется.

– Вы, случайно, не литературовед?

– Нет, я строитель.

– Но без надежды на свет, мне кажется, невозможно жить.

– У честности никогда не бывает голливудской улыбки. Но зато в этом и есть ее красота.

Я молчала.

– Вот вы читали «Постороннего» к вам и пришел Посторонний, – улыбаясь проговорил он, отчего его глаза как-то тепло заблестели.

– Нет, что вы, я очень рада общению.

– Что ж, если так, и вы свободны, приглашаю вас прогуляться.

Я кивнула головой…

Наша прогулка затянулась на несколько лет. Но странно, он как был, так и оставался для меня, как в тот первый день – Посторонним. Наша связь носила очень «тихий» характер, я не знакомила его со своим кругом, а он не вводил меня в свой. Он жил один, я иногда оставалась в его особняке на несколько дней, где временно играла роль хо-

зяйки: убирала, готовила суп, гладила рубашки… Мне нравилось это время, я чувствовала себя уютно и защищенно. Ему, как мне казалось, тоже было приятно, но когда выходной подходил к концу, я неловко улыбалась и уходила. Он никогда не предлагал, чтобы я осталась дольше, не предлагал жить вместе. Почти не интересовался моим сыном, спрашивал о нем, скорее из вежливости. И каждый раз, когда я выходила из его теплой постели, в моей душе становилось холодно. Постепенно я начинала злиться на него, хотя за что? Он ведь мне ничего не предлагал. Ни к чему не обязывал. Мы встречались, нам было хорошо и интересно… И… Все. Спросить у него: «Что дальше?» У меня не поворачивался язык. Он, наверное, бы удивился… Я боялась, что испорчу то немногое, что есть. Поэтому молчала. Наверно, это заложено в женской природе: ждать от мужчины какой-то определенности, каких-то слов.

Ему было «и так хорошо», а мне постепенно становилось «не хорошо». Я все больше чувствовала, что мы «посторонние» друг другу. Почему так? Эти мысли не раз возникали в моей голове, я их прогоняла, сбегала от них и… Не так давно я решила перестать бегать от себя. Когда грустно, я начала грустить. Когда страшно, я решила бояться. Я решила поддаться всему, что несет мне мое бытие. И вот, нечто случилось… Я всегда знала, что жизнь более фантастична, чем любая фантастика.

В то утро я вышла от него с чувством, что предаю себя. И он здесь совершенно ни при чем… Каждый предает себя в одиночку, а тот, кто оказывается рядом с тобой в одной кровати, оказывается твоим сообщником. Не всегда ближний оказывается близким. Он может быть «посторонним». Не всегда тот, кто тебя обнимает, заботится о тебе, очень часто, он заботится о себе, о том, чтобы ему было хорошо. И, когда ты исчезаешь из его объятий, он без особого расстройства продолжает обнимать вместо тебя свою подушку. Итак, мы оба оказываемся предателями, я – потому что не ценю свою душу, и отдаю себя, как вещь, и он – потому что перестал делать различие между вещью и человеком.

Что он будет делать, когда проснется? У него все будет хорошо: он вкусно позавтракает, сделает зарядку, прогуляется, почитает какую-нибудь книгу, потом займется делами. Возможно, пришлет очередное фото какого-нибудь пейзажа, или умную цитату, или смайлик. Но он никогда не спросит: как ты? Как себя чувствуешь? Как прошел день? Нужна ли тебе помощь? С ним можно беседовать на самые разные темы, обо всем, кроме того, что касается самого важного, личного. Он не готов к моим переживаниям, проблемам, боли, тревогам. У него хватает «своих забот», а от остального времени он готов получать только удовольствие.

Я вышла навстречу весне, я знала, что в этот день что-то случится, потому что больше нельзя было оставаться чужой себе. У меня не было плана и цели, я просто шла, куда несли

меня какие-то внутренние крылья… И вот, мы «прилетели» в антикварный магазинчик. Я люблю места, где много старинных вещей. В них особенный запах, проглатывая который, будто возвращаешься назад: часы с кукушкой, фарфоровые куклы, книги, медали, открытки, сервизы… Эти обломки прошлого несут в себе и тайну, и печаль, и любопытство, и какое-то как ни странно тепло… В прошлом есть что-то теплое, уютное. В него можно закутаться, как в плед, и забыться. Да, иногда бывают моменты, когда хочется вынырнуть из своего бытия и на время исчезнуть. Может поэтому так много людей исчезают в компьютерных играх и сериалах.

Я растерянно разглядывала предметы, мне ничего не было нужно, я пришла не как покупатель, а как гостья из настоящего. Между нами было молчание. Предметы, как и я, хранили свою личную тайну. Я зачем-то взяла маленькую синюю чашечку с золотым ободком, подумала, как приятно пить из нее чай. Вернула ее на место и решила, что, наверное, пора уходить, чтобы не утомлять продавцов своим передвижением. Вдруг я заметила, что откуда-то мелькнул свет. Я присмотрелась… Но не поняла, что могло быть его источником. Может светильник? – подумала я, но разглядывая пространство ничего не заметила. Но свет был. Он резанул мой взгляд, это не могла быть галлюцинация. Я подошла ближе и… Вот. Вот он – Свет. Это и правда было что-то удивительное: светились глаза на холсте. Я подняла стоявшую на полу картину, она была без рамы, пыльная, с дыркой

в правом углу. Портрет был совершенно неряшливый, написанный будто на скорую руку, в какой-то лихорадке. Мазки повсюду нервные, жесткие, но в месте, где глаза и переносица они вдруг обрели удивительную мягкость. Мрачная, хаотичная, серо-сине-черная гамма полотна, вдруг, как по какой-то благодати, удостаивается практически иконописного лика. Глаза и переносица выведены золотистым, блестящим цветом. Именно они светились. Я внимательно разглядывала каждую деталь работы. Фон был очень тяжелый, дисгармоничный, с задыхающимся пустырем и крестообразными палками. Работа, мне показалось, относилась к началу XX века, когда искусством завладел авангард. Дыра в углу тоже была необычной: она не походила на разрез чем-то острым, скорее, она была похожа на отверстие, оставленное пулей. Не картина, а загадка. Я всматривалась в этот удивительный лик, и вдруг ощутила, как мы похожи. Он – этот занесенный прошлым персонаж чьей-то измученной души, и я. Казалась, что этот человек растратил все до последнего, может он спился, или сошел с ума от горя, или увяз в пороке, он себя предал, за ним – пустыня. Он уже «не жилец», но, как бы он над собой не издевался, Образ Божий невозможно убить, он – СВЕТИТСЯ даже сквозь мрак, он его разрывает. Человек себя предал, но Бог его никогда не предаст. Да, картина кричала мне в уши: «Бог тебя не предаст». Со мной что-то случилось, на меня нахлынул священный ужас, я, наверное, вскрикнула, картина выпала из рук…

Я лежала на диване. Надо мной стояла испуганная женщина, похожая на Мерлин Монро в старости, и приятный мужчина с гладкой, ровной бородкой, в его взгляде было что-то золотистое, доброе, он улыбался. Я не понимала, что происходит, сон, наверное, но тут мужчина заговорил:

– Как вы? Вы упали в обморок…

Ах, вот оно что, – сообразила я. – А картина? Она была?

– А где картина? – непроизвольно проговорила я и тут же сконфузилась, – извините.

– Картина? А… Так это, видимо, картина ее так напугала, – деловито обратилась Монро к мужчине. И не мудрено, я сама ее подальше от глаз убирала, и как это она вдруг опять тут очутилась. Может студенты недавно заходили, все на свете перетрогали, они, видимо, портрет и переставили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.